Мнения, публикуемые в этой рубрике, не влияют на выбор и освещение новостей в остальной части газеты и могут не совпадать с позицией редакции

Время внутреннего роста

Андрей Конопляник
член научного совета РАН по системным исследованиям энергетики

Первопричина сегодняшних турбулентностей в мире – начало конца «долгого века» США (термин Дж. Арриги) и вызванные этим несколько граней разлома в мировой экономике. Я насчитываю 10 таких граней (10 «де-»): де-американизация, де-вестернизация, де-глобализация, де-легитимизация, де-суверенитизация, де-долларизация, де-карбонизация (правильно было бы – декарбондиоксидизация), де-индустриализация Европы (или «двойное ее разорение»), де-демократизация (Запада), де-культуризация (Запада).

Возврата к старому миру не будет. Идет уход от глобализации к необратимому размежеванию. Потом неизбежно наступит «пересборка» мирового порядка на новых принципах и условиях. Определять правила игры будут сильные и конкурентоспособные. Будет ли среди них Россия? Про «сильную» – вопросов нет (наличие нашей ядерной триады тому залог). Про «конкурентоспособную» – вопросы есть.

В стремлении любой ценой сохранить свое сжимающееся доминирование в мировой экономике США последовательно выступают против своих основных глобальных конкурентов на рынках нефти и газа и за пределами энергетических рынков.

Например, на рынках нефти и газа – против России и других стран экспортеров нефти и газа как прямых конкурентов и как пособников усиления Китая (Россия, Венесуэла, Иран), которые поставляют ему свои подсанкционные нефть и газ и таким образом удешевляют промышленную продукцию Китая и усиливают его конкурентные позиции на мировых рынках обрабатывающих отраслей.

Проигрывая конкурентам на рынках нефти и газа экономически (по цене отсечения), США устраняют конкурентов иными способами (захват президента Венесуэлы, развязывание войны в Персидском заливе, технологические и финансовые санкции против указанных трех стран). Эту «работу» США ведут с начала XXI в., начав ее еще до того, как американская сланцевая революция выстрелила в газе в 2007 г. и в нефти в 2014 г. То есть они заблаговременно стали расчищать рынки для своих энергоресурсов в Европе (именно туда лежит прямой и короткий путь из экспортных терминалов США на побережье Мексиканского залива).

За пределами энергетических рынков – против ЕС и Китая. Евросоюз – самое слабое звено в глобальной конкуренции, который слабеет в том числе стараниями самих США через «двойное разорение Европы» и через волны мигрантов в ЕС. Китай – самое сильное звено, напрямую США его не одолеть. Поэтому они наносят удары по его союзникам.

Если глобализация и международное право, даже построенные во многом на американских подходах, перестают эффективно работать, значит, надо обеспечить возврат к старому доброму принципу «разделяй и властвуй». Развязывание сначала «оранжевой революции», а затем и войны Украины против России и последовавшие внешние санкции США означают прямое экономическое сдерживание России через неизбежное перераспределение доходов страны на военные расходы, ограничение возможностей международного разделения труда для развития, недопущение технологического прорыва РФ в сферу глобальной конкуренции в обрабатывающих отраслях.

США нацелены на прямое устранение России как своего конкурента на рынках нефти и газа. Закон CAATSA от 2017 г. предлагает комплекс мер по противодействию экспорту нефти и газа РФ в обеспечение требования ст. 257 «Энергетическая безопасность Украины». Пункт «а» ст. 10 в этом законе гласит, что «правительство США должно назначать приоритетом экспорт энергоресурсов США для создания рабочих мест в США, помощи союзникам и партнерам США и усиления внешней политики США».

Связывание ЕС войной на Украине означает устранение Евросоюза из глобальной конкуренции в мирных отраслях. Цель – «не допустить объединения ресурсов Европы и России в непобедимую для США комбинацию, над чем США работают целый век».

Устранение России с энергетического рынка ЕС привело к «двойному разорению» Европы. Первое – финансовое разорение ЕС за счет замены более дешевого по цене отсечения на рынке ЕС российского трубопроводного газа на СПГ из США. Второе – эмиграция разоряющегося европейского бизнеса из ЕС в США за более низкими энергетическими издержками (после отказа ЕС от российских нефти и газа цены на энергоресурсы в США остаются кратно ниже, чем в Европе) для сохранения своей конкурентоспособности, но уже с американской пропиской. Наконец, сжатие рынка ЕС – это косвенный удар по Китаю, для которого ЕС является крупнейшим рынком сбыта.

Война в Персидском заливе (Израиль и США против Ирана) – это попытка удара США в первую очередь по Китаю, куда идут основные поставки сырья из стран Залива и в обратном направлении – суда-контейнеровозы с товарами для государств Залива. Однако не сработало – Китай успел подготовиться.

Итог: предыдущая модель глобализации предполагала (упрощенно), что Россия – это сырьевые ресурсы, Китай – это мировая производственная фабрика, США – это мировой финансовый центр. Нас пытались втянуть в эту модель с трех сторон – со стороны США, Китая и заинтересованных элит внутри РФ. Борьба США и Китая за российские природные ресурсы велась с разных концов производственно-сбытовой цепочки: США – контроль через доступ, Китай – контроль через спрос. В этой модели Россия перепопадала из англосаксонской финансово-технологической ловушки (до санкций – 1991–2014 гг.) в аналогичную китайскую (после санкций – 2014 г. и далее).

Сегодня вместо фазы международного сотрудничества в условиях глобализации и международного разделения труда (но и в рамках финансово-технологических ловушек для РФ) мир входит в фазу сжатия рынков до региональных, усиления конкуренции между странами, политически зажатыми в рамках макрорегионов. Глобальное сотрудничество невозможно («дух Анкориджа» испарился, если вообще имел место, а не только название, иллюзия), возможно сотрудничество только в рамках макрорегионов на основе голой прагматики, там, где совпадают национальные интересы. В выигрыше будут более конкурентоспособные. Будет ли среди них Россия? Сейчас – нет.

В чем наш национальный интерес в нынешних условиях?

Нужен отказ от сырьевой модели, опора на два рынка – внутренний и внешний (в рамках Глобального Юга – для обретения «эффекта масштаба») и на внутренние ресурсы для повышения конкурентоспособности, обретения технологического суверенитета и лидерства через инвестиции в экономический рост на новом уровне, чтобы развиваться темпами выше среднемировых, а не на уровне статпогрешности.

При этом следует понимать, что экономический рост – это совокупность реализуемых инвестпроектов, запускающих мультипликативные эффекты в экономике. А выход на новый технологический уровень означает инновационный, т. е. неизбежно капиталоемкий, экономический рост. Поэтому важнейший элемент для его обеспечения – это проинвестиционный инвестклимат.

Внешнеэкономическая деятельность требует перехода от сырьевой модели к энерготехнологическому сотрудничеству и экспорту инновационных решений. Это подразумевает энергетическое сотрудничество в рамках макрорегионов на рынках третьих стран для

Нужны энерготехнологические решения, пригодные и для неосвоенных территорий России, и для зарубежных стран, в том числе в других климатических условиях. Это означает переход от экспорта энергоресурсов к экспорту электроэнергии

достижения общей коллективной цели, не ущемляющей национальные интересы сотрудничающих государств. А именно – нацеленное на борьбу с энергетической бедностью в третьих странах (но и на значительной части территории России). Нужны энерготехнологические решения, пригодные и для неосвоенных территорий России, и для зарубежных стран, в том числе в других климатических условиях. Это означает переход от экспорта энергоресурсов к экспорту электроэнергии, в том числе на новых энерготехнологических решениях: в приоритете – мини-АЭС, в том числе плавучие, модульные плавучие электростанции на основе малотоннажного СПГ для островных и прибрежных густонаселенных экономик Глобального Юга, но и для наших неосвоенных территорий на востоке страны и в Арктической зоне.

Экономическому росту и повышению конкурентоспособности, на мой взгляд, сейчас препятствует политика ЦБ и Минфина. Что я имею в виду?

Политика ЦБ – по таким параметрам, как единая универсальная ключевая ставка, запретительная для проектного финансирования, ведь для ЦБ нет разницы между потребительским и инвестиционным кредитом, глава ЦБ в принципе отрицает, что проекты финансируются за счет кредита, все внимание – убиению (сжатию) спроса, а не наращиванию предложения.

Политика Минфина – по таким параметрам, как запретительное для инвестиций фискально-ориентированное налогообложение, цель которого – собрать как можно больше налогов здесь и сейчас вне зависимости от того, выживет ли бизнес и насколько эффективно используются через бюджет собранные налоговые доходы.

Как поправить? Для ЦБ: перейти к дифференцированной ключевой ставке, на приоритетных направлениях инвестиционного кредитования – обнулить ее, чтобы фактическая кредитная ставка коммерческих банков покрывала лишь их реальные комиссионные расходы. Финансирование производить под гарантированную будущую выручку инвестпроектов, что означает обеспеченную неинфляционную эмиссию. Гарантией выручки является установление и удержание цены реализации ниже цены конкурентных производителей (ниже «нет-бэк от стоимости замещения») с механизмом индексации цены (по аналогии с отработанной с 1960-х гг. практикой долгосрочных экспортных газовых контрактов) и т. п. Все это обеспечит проектное финансирование инвестпроектов.

Для Минфина: производить сбор дополнительных налогов не за счет повышения ставки, а за счет расширения базы налогообложения. Перейти к снижению налогов вплоть до обнуления прямых налогов на приоритетных направлениях технологического развития и получения налоговых сборов за счет расширения базы налогообложения и мультипликативных эффектов. Законодательно обеспечить действие «стабилизационных оговорок» на весь срок реализации инвестпроектов и запрет на ретроактивный пересмотр налогов.

То есть нужна принципиально иная ДКП с приоритетом экономического роста, обеспечивающая запуск нового инновационно-инвестиционного цикла в стране со стадии фундаментальных НИОКР.

Действенный пример из недавней истории крупнейшей из недружественных стран – американская сланцевая революция. Ее подготовка и вызревание заняли 30 лет – с начала работы над программой «Энергетическая независимость» в 1974 г. и ее принятия и обнародования в 1977 г. до 2007 г., когда выстрелил сланцевый газ, и 2014 г., когда выстрелила сланцевая нефть. При этом работы в рамках данной программы начались с мощных государственных вливаний в фундаментальные НИОКР по 14 направлениям только в газовой сфере, которые могли бы в перспективе привести к повышению самообеспеченности страны. В итоге выстрелили два направления – метан угольных пластов и сланцевый газ (2007), потом сланцевая нефть (2014).

Если мы хотим найти и обеспечить конкурентоспособное место России в разламывающемся мире, нам предстоит неизбежная игра вдолгую. И совершенно по другим правилам, чем диктуемые сегодня ЦБ и Минфином.-

ИДЕЯ НЕДЕЛИ

АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ / ВЕДОМОСТИ

А сам не плошай

Анастасия Бойко
редактор отдела «Экономика»

В понедельник произошли сразу два важных, связанных между собой и юридически значимых события, имеющих стратегическое влияние на функционирование экономики. Первое – Минфин подготовил и направил в правительство пакет с мерами поддержки РВБ и селлеров, пострадавших от атак БПЛА.

Среди них нет прямых финансовых выплат, но меры, предложенные Минфином, все же небесплатны для бюджета. Речь идет об отсрочке уплаты налогов, страховых взносов сроком на год – как для селлеров, так и для самого маркетплейса. А после отсрочки задолженность можно погашать равными долями в течение года.

Но в документе Минфина не упомянут другой крупный маркетплейс – Ozon, который с некоторым лагом тоже столкнулся с подобной ситуацией. Атакам подвергаются и другие крупные предприятия. Сможет ли государство помогать всем пострадавшим компаниям? Бизнесу в любом случае нужно задуматься (если еще не задумался) о более системных мерах по защите своих объектов, не надеясь на авось.

Отсюда очень логично вылилось другое важное событие – был подписан и опубликован указ президента, который, по сути, обязывает компании обеспечить меры безопасности на объектах критической инфраструктуры. В противном случае власти смогут по поручению президента вводить временное управление на объектах инфраструктуры. Такие меры могут быть приняты в том числе при задержке их восстановления.

Установка ПВО, как и противодроновых сеток, – это далеко не дешевое и не самое простое в организационном плане мероприятие. Но не в деньгах здесь дело, а в людях, репутации, адаптивности, в конце концов.

Возможно, здесь было бы эффективно более тесное взаимодействие с силовыми ведомствами для выработки стратегии защиты крупных промышленных сооружений. О необходимости создания четкого механизма по работе бизнеса с военными на встрече у президента говорил глава Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин еще в конце мая. В кулуарах об этом тоже говорили – давно и не раз.

Похоже, власти решили принять меры к тем, кто «не в состоянии». И помочь тем, кто пытается, – они вели работу не один месяц. И, очевидно, будут вести ее дальше – и интенсивнее: меняя логистику, оснащение и в целом подходы к организации бизнеса. Ведь тактики «просто переждать» здесь быть не может.